

УГУ

 ЕГОР НУЛИНОВ

Родился в 1990 году в с. Нучурган Одесской области. Окончил РУДН. Печатался в журналах «Урал», «Волга», «Новая юность», «Москва», «Южная звезда», «Дальний Восток». Работает в сфере туризма. Живет в Люберцах.

Мочалка опускается в воду. Мочалка касается кожи. Проходит по затылку, спине, плечам. Ныряет под мышку. Шершавит. Подмышки особенно важны. Но тонкая, как молочная пенка, кожа не дает хорошенько потереть. Был уже опыт, когда до ссадин.

– Угу.

Вода теплая, около 37 градусов. Хотя почему это около. Ровно 37. Стекланный буюк термометра качается на волнах и бьется о пожелтевшую эмаль. Отталкивается и плывет к безжизненному телу. Относительно безжизненному. Другое дело, что эта жизнь выходит во внешнюю среду только через дыхание, ошалелое движение глаз и беспорядочное угуканье.

– Угу.

Звенит цепочка. Черная резиновая пробка упирается, но все-таки открывает сливное отверстие, куда невидимо стекает вода. Закручивается спиралью и с причмокиванием всасывает. И ошметки пены туда же. Чтоб грязь не осела, включается душ. Настраивается температура. Тут только по ощущениям – никаких термометров.

Собачьим чутьем лейка движется по следам мочалки: затылок, спина, плечи. Поднимается рука, открывая подмышечную впадину с седыми кукурузными волосами.

– Угу.

Дряблое тело растекается по дну. Последние куски пены стекают по худым палкам ног, цепляются за сильно выступающие косточки и сваливаются в сливное отверстие.

Сильные молодые руки подхватывают железное тело.

Мокрые пятки скользят по плитке. Подпрыгивают на порожке, оставляя блестящий след. Тело кладется на подготовленную махровую простыню. Вначале промокается ею, а после вытирается. Опять же, особенно важно – складки, подмышки и интимные места.

Ноги гнутся в коленях.

– Угу.

Ноги гнутся в коленях.

– Угу.

Ноги гнутся в коленях!

Резиновый коврик под ступни, чтоб снова не выпрямились. Детский порошок цементной пылью проявляет волоски на бедрах.

Шелестит подгузник, обнимая липкими лапами таз.

Врывать простыню из-под тела, как это делают фокусники, не получится, а вот пафосно раздвинуть шторы – вполне.

Плотная, гобеленовая ткань синих штор, цапаемая кольцами карниз, разъезжается в стороны.

– Угу.

Слезы дрожали на быстро краснеющих глазах. Отец превратился в расплывчатую кляксу. И тоже как будто дрожал, словно Максим смотрел на него из глубины ванной.

Включается квадрат окна. Высотки на фоне зарослей подоконника. Драцена – пальма. Фикус – береза.

Палец ныряет в специальную силиконовую щетку.

С точностью археолога. Вокруг каждого из восьми оставшихся зубов-сталактитов. По голым деснам.

– Чистить зубы важно.

– Чистить зубы важно! – говорил когда-то папа, карябая волосатую грудь.

И Максим чистил. Неумело держал щетку, которая так и норовила выскочить из мокрых ладоней. Либо хотела нырнуть в горло, чего Максим боялся больше всего.

– Шьистить жубы ужно! – говорил Максим, сплевывая пену.

Полоскал рот. Спускался со стульчика возле раковины и куда-то шел. Куда? Этого, к сожалению, память не сохранила.

Но она сохранила высокие арочные потолки. Сквозную комнату с дубовым столом. Ажурную скатерть, куда Максим вплетал пальцы, представляя, что проникает сквозь материю, тоже сохранила. И сервант. И то, как он звенел битым стеклом, когда папа проходил мимо. И ворсистые ковры. И даже пыльную паутину сохранила. В углу у батареи. Между зеленым диваном и вздувшимися обоями с продольным узором цветов.

Однажды Максим залез туда и достал сухой, как моток ниток, труп волнистого попугая. Но ведь Кеша вот он – летает. Грызет углы и портит корешки книг. Сидит в клетке и почему-то забыл те немногие слова, что так усердно выдавливал из себя, загибая клювом воздух.

Но этот вопрос не увлек Максима. Его больше заинтересовало, что с высохшим Кешей можно играть. Он не убегает. Не прячется, как Кеша живой.

Этот Кеша удобен. Всегда рядом. Не царапается и не кусается.

Максим сразу смекнул, что если родители увидят его с новым-старым Кешей, то отберут. Поэтому каждый раз, когда заканчивал игру, возвращал Кешу на место. В пыль и паутину между зеленым диваном и вздувшимися обоями с продольным узором цветов.

Когда о Кеше узнали, а это рано или поздно должно было случиться, Кеша уже был лыс, без когтей и с загнутыми, как мертвые пауки, лапками.

Мама охнула и приложила ладонь ко рту. Упомянула Господа и, как и ожидалось, забрала Кешу.

Вечером об этом узнал папа. Максим ожидал, что его будут ругать, но папа только скосился и подавил глупую улыбку.

А потом отец зачем-то хотел убить Кешу. Гонялся за ним по всей квартире.

Карабкался на диван. На спинку дивана. Прилипал к стене и хлопал тапкой. Кеша, держась в углу на одном когте, каждый раз вздрагивал и слал на отца свои птичьи проклятья.

Максим не помнил, сколько длилось это противостояние. Один час или один месяц. Но он хорошо помнил, что однажды отец поймал Кешу. Схватил голыми руками, но тут же вскрикнул и как бы скомкался вокруг кулака. А довольный Кеша заклекотал и вспорхнул под потолок.

Наблюдая за странным поведением отца, Максим засмеялся и ткнул пальцем.

Отец мгновенно распрямылся и произнес:

– Подойди.

Максим не двигался.

– Подойди!

Максим не двигался.

Страх пригвоздил ноги к полу. Но уже через секунду все тот же страх заставил сделать первый шаг.

Приклеенными ступнями Максим шаркал по ковру, приближаясь к отцу, как к обрыву. За этот короткий путь он успел залиться слезами. Успел испугаться, обидеться и даже раскаться.

– Чо ты хнычешь, как баба.

Слезы дрожали на быстро краснеющих глазах. Отец превратился в расплывчатую кляксу. И тоже как будто дрожал, словно Максим смотрел на него из глубины ванной.

– Вытри сопли. Посмотри на меня.

– Я не-не... не плачу, – задыхаясь, произнес Максим, размазывая слезы по щекам.

– Ну! Посмотри.

Максим поднял голову.

И в этот момент длинная костистая рука протянулась из глубокого прошлого и сдавила Максиму горло в настоящем.

– Угу, – прозвучало над ухом.

Максим вздрогнул и обернулся. Отец лежал на кровати. Но испуг уже поселился в теле. И уже выдавил пот. И заставил сердце сжаться и запутаться в грудной клетке.

В один миг глыба всех прожитых лет, всего бесконечного прошлого каждой своей секундой придавила Максима.

Он подходил к кровати, испытывая жуткое сопротивление этого груза.

Он всмотрелся в лицо отца.

– Угу.

– Как ты мог? – процедил Максим, не разжимая зубы.

– Угу.

Максим ухватился двумя пальцами за край одеяла и медленно потащил его.

Когда одеяло сползло, перед ним открылось дряблое, обездвиженное тело в подгузнике. Куриными лапами скрюченные пальцы. Плоская, с редкими седыми волосами грудь. Впалый живот.

Максим почувствовал, что его челюсть сейчас лопнет от напряжения. Он больше не мог держать этот груз. Он сел на пол. Он уронил голову на кровать. Он закрыл глаза.

